

Когда ночь опустилась на приморский городок и звёзды густо усыпали небо, Кэрол, держа в руке подсвечник, поднялась на второй этаж. Усталость клонила её в сон, но мысли всё ещё роились вокруг того, что люди называют деньгами.

Золотых монет было великое множество, однако ходили они не так широко, как серебряные или медные. Люди создали удивительную систему обмена, в которой не нужно было всякий раз оценивать, равноценны ли два предмета.

Свет свечи, сопровождаемый лёгкими шагами, скрылся наверху, и Сиюань перевёл взгляд на молодого человека, сидевшего напротив. Тот задумчиво перекачивал в пальцах золотой и, казалось, ни минуты не мог усидеть на месте.

- Уже поздно. Не пойдёшь спать? - спросил Сиюань с улыбкой.

- Ты ляжешь со мной в одной комнате? - Эймерд поймал подброшенную вверх монету и невольно дважды стукнул носком ботинка по полу.

- Нет, я останусь внизу. - Сиюань усмехнулся, заметив, как от его слов чуть опустились веки русалки. - Дворецкому не пристало делить комнату с господином.

- Господин разрешает тебе делить с ним комнату, - промолвил Эймерд, поглаживая пальцем гравировку на монете.

- Дворецкий же не позволяет себе такого, - тихо рассмеялся Сиюань.

И в тот же миг золотая монета, которую он так беззаботно мял в руках, переломилась пополам, словно бумажный лист.

- А позволяет ли дворецкий себе целовать своего господина? - русалка, не теряя времени, применила новую уловку на практике, и в голосе его зазвучала явная обида.

В глубинах моря, найдя избранника, полагалось спать рядом на коралловом ложе; даже на охоту не уходили надолго. А его избранник, даже когда вокруг ни души, не желал делить с ним кров.

Вот что огорчало в человеческой жизни!

Тихо лежавшие ноги нетерпеливо стукнули по полу два раза, но как бы ни кипела обида, русалка не могла сердиться на своего возлюбленного.

Монета уже готова была снова переломиться, но Сиюань, глядя на молодого человека, каждой чертой выражавшего недовольство, поднялся и сжал его беспокойные пальцы. Опустив взгляд,

он встретился с внезапно поднявшимися зелёными глазами и улыбнулся:

- Не будет ли это нарушением субординации?

Прикосновение обожгло и разлилось щекочущим жаром. Сердце Эймерда пропустило удар, и в то мгновение он совершенно забыл, из-за чего сердился; в памяти осталось только ощущение губ, что всегда произносили такие нежные слова.

Даже мимолётного касания пальцев было довольно, чтобы всё тело обдало волной сладкой истомы – точно колдовство, что привязано к этому человеку.

- Можешь и дальше нарушать субординацию, – Эймерд легонько сжал пальцы, которые его удерживали, и после краткого раздумья добавил: – Ты ведь так искусно переступаешь границы, не правда ли?

Ему хотелось более тесной близости, хотелось коснуться той самой ткани, что скрывала пуговицы его сюртука, и узнать, не обожжёт ли ладонь и сердце ещё более жарким пламенем.

- Что ты, я – образцовый дворецкий. – Сиюань всё ещё сжимал его пальцы, уже согретые человеческим теплом, и опустил глаза с улыбкой, после чего получил от русалки тихое, едва слышное скрежетание зубами.

Эймерд смотрел в эти золотистые глаза, в которых плясали насмешливые искорки, и тысячу раз повторял про себя: на своего избранника нельзя поднимать руку. Люди сдержанны по природе, но у него в груди билась целая тысяча сардин, да ещё и парочка акул ворвалась следом.

Его избранник был нежен и прекрасен, и при свете людских свечей казалось, что он весь сияет. Если бы можно было, Эймерд держал бы его в объятиях до конца своих дней, но сейчас оставалось только смотреть, как эти золотые глаза приближаются...

Когда молодой человек наклонился, свет свечи чуть померк, и Эймерд почувствовал на губах тёплое, мягкое прикосновение. На миг все рыбы стаи в его душе замерли, но в следующий же миг в груди взметнулся хаос, точно при извержении подводного вулкана.

Пальцы невольно сжались, жадно вбирая это ощущение.

Он любил Бранда. Пожалуй, полюбил с того самого мига, как впервые захотел прикоснуться к нему.

Не просто человеческое тепло ему было нужно – ему нужен был Бранд. Его тело, его прикосновения... пусть они почти не отличались от чужих, но только этот человек дарил ему столь незнакомое и уютное чувство.

Поцелуй прервался. Сиюань посмотрел на русалку, что невольно потянулась за ним следом, и на зелёные глаза, полные нежности, промолвил:

- Иди спать, уже поздно.

Их дыхание смешалось, но меж ними вдруг пролегла невидимая грань, словно свет, что проходил между ними, – мягкий, но недосягаемый.

Эймерд прикусил губу – такая отстранённость была ему не по нраву, но, встретив этот нежный и вместе с тем непроницаемый взгляд, он понял, что пока ничего не может с этим поделать.

Словно есть угол, куда не проникают солнечные лучи.

В зелёных глазах мелькнула задумчивость, и, когда русалка моргнула, Сиюань не успел разглядеть, что в них таится. Молодой человек поднялся со стула, взял подсвечник и направился к лестнице на второй этаж, негромко фыркнув:

- Сам так сам.

Ступеньки закрипели под его тяжёлой поступью, грозя вот-вот проломиться, но не успел Сиюань предупредить его, как русалка, поднимаясь, взглянул себе под ноги и пошёл легче.

Он не обернулся, лишь на повороте лестницы скользнул быстрым взглядом вниз – зелёные глаза блеснули в отблеске свечи – и тотчас же отвернулся, исчезнув за углом.

Сиюань проводил взглядом мерцающий огонёк, усмехнулся, собрал со стола монеты в кошель, проверил запоры, загасил свечи в гостиной и, взяв подсвечник, направился в спальню на первом этаже.

Следом за ним, мягко ступая, вошла маленькая кошечка, тряхнула пушистым хвостом, запрыгнула на стол, где стоял подсвечник, и уставилась на хозяина. Она повела ушами, глядя, как он с невозмутимым видом укладывается в постель, и сдержала своё кошачье любопытство.

Пламя погасло. Человек, прежде чем натянуть одеяло, погладил её по голове и улыбнулся:

- *Спокойной ночи.*

- *Спокойной ночи, хозяин*, – тоненько отозвалась кошечка и положила голову на лапки, предаваясь воспоминаниям о вкусе жареной рыбы, чтобы даже во сне её окружал этот дивный аромат.

Дом погрузился в глубокую тишину; лишь слабый свет звёзд пробивался сквозь щели в плотных шторах, но его было недостаточно, чтобы разбудить спящих.

Скрипнула половица – и тут же сменилась едва слышным шорохом, словно пузырёк воздуха бесшумно проплыл по лестнице и мягко опустился вниз, заглушённый пушистым ковром.

Лёгкий звук открываемой двери отлично заглушил то, как русалка затаил дыхание. Сняв башмаки и ступив на пол, он скинул и носки, приближаясь к кровати.

Когда край одеяла приподнялся и до его слуха донеслось ровное дыхание спящего, кадык русалки судорожно дрогнул, а дыхание, и без того сдерживаемое, сбилось с ритма.

Он опёрся рукой о постель, пытаясь нащупать под одеялом руку, но внезапно его запястье стиснула горячая, обжигающая ладонь. Жар разлился по коже, и сердце испуганно ёкнуло.

А когда он поднял глаза, где только что мерцал скудный звёздный свет, одеяло взметнулось и укрыло их с головой. В то же мгновение, как наступила полная тьма, хватка на запястье стала крепче, и прежде чем русалка успел опомниться, его втащили на мягкую постель, ещё хранившую тепло.

Одеяло упало, и тайный ночной гость уже был прижат к груди сильной рукой. Он хотел что-то сказать, но губы его накрыл поцелуй.

Все звуки стихли. Один лишь этот жаркий, глубокий поцелуй заставлял и без того трепетное сердце биться всё быстрее, словно его увлек за собой подводный поток, в котором нет ни дна, ни берега, и остаётся лишь кружиться, теряя голову.

Обжигающий жар от сцепленных пальцев поднимался к сердцу, не встречая преград. Даже если б русалка захотел остыть, одеяло плотно укрывало его, как рыбу, выброшенную на берег, что тщетно ищет влаги и прохлады.

Когда поцелуй прервался и скользнул на шею, в ночи раздался сдавленный вздох. Пальцы, до того не находившие опоры, сжались и дёрнулись; тогда поцелуй на шее прекратился, и подводный поток рассеялся в один миг, оставив лишь два голоса дыхания.

Один – глубокий и ровный, другой – будто пытающийся сдержаться, но не в силах, и вырывающийся короткими, прерывистыми толчками.

Пальцы разжались, и человеческое тепло оставило влагу на ладони и дрожь в груди.

– Непривычно? – раздался в темноте мягкий голос у самого уха, с хрипловатой ноткой, отчего уши русалки сами собой шевельнулись.

- Не знаю... - голос у русалки был от природы прекрасен, но сейчас в нём не хватало уверенности.

Ему казалось, что это должно быть приятно, но вся эта внезапность выбила его из колеи, заставила почувствовать, что всё идёт не по плану, и тогда на миг в душе проснулся страх - хотелось убежать.

Но сейчас, даже сквозь одежду, он чувствовал тепло Бранда, и тело снова наливалось приятной истомой.

Если солнечный свет не проникает в какой-то угол - надо просто повернуться к солнцу.

- Вот что случается, когда живут в одной комнате, - проговорил Сиюань, ласково проводя рукой по спине русалки и слушая, как тот тихо вздыхает. - Голос его звучал теперь, как тёплый ветер после бури, умиротворяюще и легко.

- Нельзя просто спать? - спросил русалка, ещё не отошедший от пережитого, но не в силах подавить в себе желания.

В ответ из темноты донёсся тихий смех, и русалка, затаив дыхание, едва слышно скрипнул зубами:

- Чему ты смеёшься?

- В принципе, можно, но я ведь не святой, - Сиюань протянул руку и коснулся шеи недовольной русалки, чувствуя, как та вздрагивает, и при слабом звёздном свете глядя на зелёные глаза, что тоже дрожали. - Нельзя же, чтобы ты без конца меня дразнил, а я оставался невозмутимым.

В голосе его звучала безысходность, но горячее прикосновение к шее отнимало у Эймерда почти все мысли; только жар разливался всё шире, и от одного этого касания по спине побежали мелкие мурашки, а на лбу выступил пот.

- Дразнил? - переспросил он.

Нет, русалки никогда не занимаются такими вещами.

- Как я сейчас. - Сиюань легонько провёл пальцами по его шее, и, когда тот попытался вырваться, придержал его за подбородок, мягко очерчивая линию губ.

- Эй... - Эймерд попытался остановить его, но сил не хватало.

Это было невыносимо. Волны сладкой истомы то и дело пробегали по губам и устремлялись прямо в сердце, но лишь скользили по краю, не касаясь самих губ, оставляя его в нерешительности. Ему оставалось лишь вцепиться в запястье парня и смотреть на него снизу вверх, не зная, что делать.

Зрение у русалок было отличным, и хотя в такой густой темноте нельзя было различить цвета глаз, именно эта тьма обнажала в обычно столь нежных глазах холодную, прозрачную глубину.

Он словно играл с рыбой, но в глубине этого взгляда таилась такая хищная сила, что сердце русалки сжималось от страха – будто его вот-вот проглотят.

Эймерд вспомнил: тогда, когда он попросил разрешения прикоснуться к Бранду, в глазах того было что-то похожее, но всё же не то.

– Если хочешь... я не против... – Эймерд отвернулся, чувствуя, что ему самому не по себе, но в то же время где-то в глубине души теплилось ожидание.

Он ещё не до конца разобрался в людях, да и Бранда не постиг до дна, но он любил его, это был его избранник, и он мог уступить.

В темноте, в ответ на его слова, раздался тихий вздох, полный нежности:

– Глупый...

– Эй! – Эймерд с недовольством взглянул на своего избранника.

– Не смотри на то, какой я сейчас. Я очень умею мучить русалок, – Сиюань встретился взглядом с зелёными глазами, полными досады, и убрал руку от шеи, легонько коснувшись его виска. – Если позволишь мне мучить себя, в конце от тебя могут остаться одни косточки. Так что, пока во мне ещё есть совесть, не зли меня.

Голос его был нежен, а пальцы, скользящие по виску, хоть и горячие, больше не вызвали у русалки того томительного желания изогнуть хвост. Напротив, от них разливалось мягкое тепло, и в глубине зелёных глаз зажглось уютное сияние. Сердце перестало метаться, словно окупнувшись в горячий источник, и вся русалка расслабилась.

Но от слов его по телу пробежала лёгкая дрожь, навевая тревогу.

– Ты съешь меня? – спросил Эймерд, чувствуя, как дрожит его душа.

– «Кости» – это просто фигура речи. Это значит, что ты весь, целиком, вместе со своим сознанием, будешь принадлежать только мне. – Сиюань улыбнулся. – Меня не интересует, как

на вкус русалка.

– Мм. – Эймерд тихо отозвался, вспомнив, как тот говорил о том, чтобы приручить гордую и свободную душу, хотя на деле его слова и поступки никогда не означали этого.

Он хотел, чтобы, даже если Эймерд покинет его, он мог свободно приходить и уходить из моря.

– Ты хочешь этого? – Эймерд пристально посмотрел на него.

– Иногда – да, – честно ответил Сиюань.

Заставить гордую свободную душу – душой и телом – принадлежать тебе, иметь право играть с ней, заставляя её расцветать в своей предельной красоте, – отрицать, что в этом есть огромное искушение, было бы глупо. Особенно сейчас, когда он ещё не до конца познал человеческий мир и так податлив.

Можно навязать ему ложные понятия, шаг за шагом замкнуть в себе, пользуясь его одержимостью избранником и всепрощением, – как лягушку в тёплой воде, и он даже не подумает сопротивляться, а результат будет достигнут.

Он не сможет убежать и даже не захочет возвращаться в море.

Такие низкие мысли иногда бродили в голове Сиюаня, и с каждым новым, бесстрашным прикосновением русалки они разрастались.

Ведь тот всегда говорил о своих желаниях и любви так прямо, без всякой тени стеснения.

В зелёных глазах мелькнула настороженность, а затем – замешательство.

– Ты так сделаешь? – спросил он.

Сиюань посмотрел на него, в упор глядящего на него, на мгновение задумался и с улыбкой ответил:

– Нет.

Он мог так думать, но был уверен, что любит вовсе не красивую канарейку, а эту гордую, свободную душу – честную, горячую, открытую и снисходительную.

Ответ прозвучал твёрдо.

В зелёных глазах дрогнул свет. Эймерд поднял руки и обнял его, с трудом сдерживая волнение, смешанное с пламенем, пылавшим в груди:

- Бранд, я люблю тебя.

В его словах не было витиеватости – лишь чистая искренность, но он никогда не скупился на выражение своих чувств, и то, что перед ним был всего лишь ничтожный человек, ничуть не меняло дела.

Сиюань улыбнулся, прильнул к нему, обнимая лежащего на постели юношу, и, прикрыв глаза, вздохнул:

- Это я глупец.

- Почему? – спросил Эймерд, чувствуя, как жар разливается по всему телу, и будто он сам, как рыба, жарится на сковороде; он с трудом отвлёкся и выдал вопрос.

- Потому что глупцам и глупцам суждено быть вместе, – тихо рассмеялся Сиюань.

Эймерд хотел было возразить, что он вовсе не глупец, а очень умная русалка – разве смог бы глупец заполучить такого умного человека в спутники и привести его в мир людей?

Но очень умная русалка никогда не станет перечить своему избраннику.

«Быть вместе» – звучало слишком заманчиво.

- Нам и правда суждено быть вместе, – согласился Эймерд, – на свете нет более подходящих друг другу человека и русалки.

Человек, обнимавший его, тихо рассмеялся, и его тело, и грудь дрогнули от смеха – похоже, он и правда был доволен. И Эймерд вместе с ним разделил эту радость.

Прислушиваясь к размеренному биению сердца у самой груди, он заметил, что тот, кто его обнимал, приподнялся, но расстояние между ними почти не увеличилось; прежде чем русалка успел что-то сказать, его накрыл нежный поцелуй.

В этом прикосновении было что-то от недавней бури, и в то же время оно казалось иным.

- Я же тебя не дразнил... – выдохнул он в краткий миг, когда их губы разомкнулись.

- Это просто поцелуй, – Сиюань чуть придержал его подбородок, целуя мягко и ласково. – Так

делают влюблённые. Если пропустить этот шаг, будет жаль.

Слова растаяли в нежном поцелуе, и русалка не успел ответить, но руки его сжались крепче, а ресницы опустились, и это было красноречивее любых слов.

Тот же поцелуй, но Эймерду казалось, что он погрузился в тёплое течение, плывёт, не ведая направления, и только сердце истомилось сладкой истомой. Он думал о любви, но мысли путались, ускользали, всплывали вновь, и он никак не мог понять, почему этот поцелуй заставляет его мечтать о вечности.

Если бы можно было никогда не расставаться.

Ночная тишина вернулась, когда Сиюань обнял сзади русалку, что тайком забралась к нему в постель и теперь не собиралась уходить, обещая не дразнить.

Тело русалки было чуть прохладным, но гибкий стан и свежее дыхание делали объятия удивительно приятными.

– Мне кажется, у тебя бессмертная душа, – прозвучал в темноте тихий голос русалки, и Сиюань, уже было смеживший веки, открыл глаза.

– С чего ты взял? – спросил он.

– Просто чувство, – Эймерд чуть пошевелился. – Я чувствую, что она у тебя есть.

– Почему ты вдруг задумался об этом? – Сиюань крепче сжал руки и тихо спросил.

Вопрос о сроке жизни – тема неизбежная, но он не хотел из-за неё расставаться с любимым; это означало бы понапрасну потратить триста лет жизни.

К тому же он больше не хотел повторять десятилетней разлуки, не зная, будет ли ещё одна встреча. Жить так, как велит сердце, в отпущенные тебе годы – вот что не даст тебе потом жалеть.

– Потому что если у тебя бессмертная душа... – Эймерд перевёл дух, – то и я смогу обрести бессмертную душу, и тогда мы встретимся на небесах и будем вместе навечно.

Он произнёс своё сокровенное желание.

Сиюань помедлил, затем ответил:

- Небес не существует. Души людей, возможно, перерождаются, а возможно – угасают навеки.

Эймерд вздрогнул, и тело его, только что расслабленное, внезапно напряглось. Сиюань, помедлив, уже хотел что-то сказать, но услышал приглушённый голос русалки:

- Я знаю, что нам суждено расстаться... я давно был к этому готов.

Бессмертная душа – лишь его фантазия. Никто не подтвердил, никто не видел. Люди лишь возносят молитвы неведомым богам, надеясь попасть в рай, но если бы все поколения людей устремлялись туда, там было бы слишком тесно.

Человеческая жизнь слишком коротка – лишь ничтожная часть срока, отпущенного русалкам.

Сиюань, услышав его слова, передумал множество мыслей, но спросил лишь одно:

- Что значит «готов»?

- Когда ты умрёшь, я закопаю тебя в морской глубине и буду вечно рядом с тобой, – ответила русалка.

- Вечно рядом? – Сиюань нахмурился.

- Ну, как у людей... молиться? – Эймерд вспомнил нужное слово.

В мире людей всюду могилы; они зарывают умерших в землю и ставят над ними камни, будто те люди всё ещё там. Хотя, конечно, и те, кого выкапывают или просто выбрасывают, тоже попадают.

- Не бойся, пока я рядом, птицы и рыбы тебя не съедят, – заверила русалка.

Сиюань улыбнулся, прижался щекой к его затылку и прошептал:

- Хорошо.

- Я знаю... – после недолгой паузы русалка заговорила снова, чуть тише: – Ты хочешь, чтобы я жил долго-долго, и даже когда ты уйдёшь, я всегда помнил тебя.

- Бессмертие человека часто заключено именно в такой памяти, – тихо произнёс Сиюань. – Есть поверье: когда умирает последний человек, который помнил тебя, тогда ты умираешь по-настоящему.

- Удивительная мысль, – сказал Эймерд и снова пообещал: – Я всегда буду тебя помнить.

- Спасибо. Но об этом стоит говорить, когда могила уже будет готова, – Сиюань обнял его покрепче. – Пока я ещё жив.

- Мм, как хорошо, что ты жив, – русалка перевернулся, повернувшись к нему лицом. Он взглянул на человека, лежавшего на той же подушке, и, протянув руку, придвинулся ближе. – Я просто обниму тебя, не стану дразнить.

- Хорошо, – Сиюань обнял пододвинувшуюся русалку, перебирая его рассыпавшиеся длинные волосы с улыбкой.

- Я буду любить тебя всей душой, – сказал Эймерд, прижимаясь к своему избраннику.

- Мм? – Сиюань вопросительно приподнял бровь.

- Потому что человеческая жизнь так коротка, – ответила русалка. – Поэтому любить тебя нужно ещё сильнее.

Сиюань на миг замер, потом погладил его по спине и с улыбкой ответил:

- Понял.

<http://bllate.org/book/18299/2086333>